

Вернер Вайденфелд

Германо–американские отношения

Война в Ираке является поворотным событием в истории и ведет к масштабным изменениям в отношениях между Америкой и остальным миром, а также между европейскими странами. Тяжелейшему испытанию подвергаются прежде всего германо-американские отношения. Тот, кто в Германии думает, что нынешняя напряженность носит временный характер, тот не знает Америки. Если рассматривать германо-американские отношения в отдаленной исторической перспективе, то выясняется, что они всегда были противоречивыми. С одной стороны, немцы восхищались Америкой, Новый Свет очаровывал их своей свободой и динамикой развития, с другой стороны, всегда существовала определенная дистанция, даже некое презрение к Америке из-за ее очевидной непредсказуемости и отсутствия культуры. В виде исключения это противоречие было устранено во времена общемирового конфликта между Западом и Востоком, поскольку он сплотил оба континента, затем эта сплоченность ослабла. А война в Ираке, позволившая взглянуть на Америку и весь мир в ином свете, вновь вскрыла старые противоречия.

Международное положение

Будущие историки будут определять время с момента нанесения удара по Всемирному торговому центру до войны в Ираке как начало новой эпохи в мировой истории. Они назовут конец конфликта между Западом и Востоком инкубационным периодом поворотного момента в истории, полномасштабные последствия которого не сразу были осознаны современниками. Соответственно подавленно и растерянно реагирует сегодня мировая политика, в таком же

замешательстве находится и весь интеллектуальный мир. Война сделала свое дело: если раньше было модно рассуждать о смене ориентиров, то сегодня остается лишь сухо констатировать потерю ориентиров. Наше время ставит непреодолимые задачи, так как слишком многое и в слишком многих местах требует изменения и очень многие, ранее общепринятые гипотезы кажутся устаревшими. То, что до нынешнего времени придавало мировой политике специфический облик и обеспечивало хоть сколько-нибудь надежный порядок, не имеет больше никакой силы.

Необходимо признать, что война в Ираке будет иметь для будущего семь последствий.

1. Вначале был теракт, и не то чтобы все исходило именно от него, но удар 11 сентября 2001 г. высвободил силы, вызвал шок и заставил заглянуть в пучину реальной опасности, которая до настоящего времени оставалась скрытой и незаметной. Окончание конфликта между Западом и Востоком, исчезновение коммунистической идеологии с ее претензией на мировое господство – на фоне этого тлеющего конфликта уже давно высвобождались разрушительные силы. Религиозный фундаментализм, этническая взрывоопасность, националистический угар оставались зажатыми до поры до времени в железных тисках биполярного исполина, теперь же они сорвались с цепи. Новая волна агрессивности, хлынувшая из разных регионов, – с Балкан, с Кавказа, из Афганистана и из Пакистана, из Ирака и из Индонезии и Малайзии – застала врасплох мировую общественность.
2. Теракт подорвал основу существовавшей до того безопасности. Основным принципом до недавнего времени была идея устрашения. Атаку враждебного государства можно было сдерживать угрозой ответного удара, который мог привести к его уничтожению или по крайней мере к поражению. Каждый участник, рационально подсчитывающий свои шансы, должен был по этой причине воздерживаться от удара. Именно это соображение поддерживало мир на протяжении многих десятков лет между Западом и Востоком. Однако глобальная профессиональная сеть терроризма не следует сегодня данной логике. Подсчет шансов не ведется в традиционном для этого смысле, поскольку террористам обещана божественная благодать. Кроме того, терроризм не является больше классическим врагом,

угрожающим извне, он скорее находится одновременно и внутри, и вне общества, подвергающегося удару. Высоко-профессиональное образование, высокотехнологичное вооружение террористов часто смыкаются с трансцендентно ориентированными убеждениями, чтобы приносить необходимые жертвы для достижения новых культурных горизонтов. Тот факт, что терроризм укоренился во многих странах, фактически нивелирует разницу между внутренней и внешней безопасностью.

В западных странах, и в первую очередь в Америке, вместо политики устрашения на первый план последовательно выходит поиск защиты от терактов. Только за последние годы по всему миру были подготовлены около 90 000 террористов. Кошмар 11 сентября видится на этом фоне началом всех начал. Западный мир заглянул в бездну, из которой исходит угроза его существованию.

3. Терракт задел самую суть существования американского общества. Впервые на своей земле почувствовать себя уязвимым, практически беззащитным и подвергнуться непредсказуемым ударам – значит увидеть угрозу жизни самой нации, поэтому уязвленное американское самосознание требует начать войну с терроризмом. В этом контексте война против Ирака не видится единичным событием. Она лишь камень в большой мозаике, выложенной из безопасности и стабильности. Чтобы выложить всю мозаику, необходимо добавить в нее много других камней: после Афганистана наступила очередь Ирака. За ними последуют другие площадки для битв. Северная Корея, Иран, Сирия, Саудовская Аравия, Пакистан – страны, откуда постоянно исходит угроза: именно так Америка будет обеспечивать свое национальное существование. Если при этом такие организации, как ООН и НАТО, захотят оказать помощь, Вашингтон будет только приветствовать такое желание; если же солидарность международных организаций не приведет к оказанию помощи США, то Вашингтон сам о себе позаботится. То же самое относится и к международному праву: если оно окажется к месту, Америка будет его соблюдать, если нет, то можно будет обойтись без международно-правового обоснования действий. На первом месте стоят жизненно важные интересы американского общества.
4. Предчувствие ужасов и угроз наполняет всю Америку и Европу. Этот континентальный дрейф может однажды

привести к трансатлантическому культурному краху. Конечно, общие для всех корни просвещенного общества, принципы свободы и здравого смысла не исчезнут сегодня так просто. Будет и дальше существовать тесная экономическая и общественная интеграция, но на все это будут все больше и больше наслаиваться рассуждения о необходимости применения военной силы, вопросы войны и мира, жизни и смерти. Америка гарантировала европейским союзникам псевдопацифистский загон, который благотворно действует на израненную двумя мировыми войнами европейскую душу. Если два общества отвечают по-разному на ключевые требования, необходимые для обеспечения своего существования, как это происходит в случае с Америкой и Европой, то их партнерство разъедается изнутри. Крах отношений – это только вопрос времени. О кончине старого атлантического сообщества уже объявлено.

5. В сознании мира осталась только одна-единственная супер-держава, явно готовая в полной мере подтвердить статус гегемона. Естественный рефлекс приводит к попыткам создания временных коалиций, которые могли бы ограничить и сдержать американскую гегемонию. Только этим можно объяснить решимость, с которой образовался страннный союз Франции, Германии, России и Китая. При этом у каждого партнера свои специфические интересы. Франция видит для себя шанс снова вернуться в лоно великих держав. Она достаточно рассудительна, чтобы признать, что только собственной мощи недостаточно. Франции нужен партнер, и, если это будет Германия, с которой в последнее время сложились несколько прохладные отношения, ей можно будет отвести в решении общемировых проблем роль младшего партнера. Германия чувствует, что снова возникла необходимость устранения опасности развития по особому пути. В силу исторических причин Германии больше, чем другим, необходимо укрепление дружественных отношений. После того как германское правительство отдалилось от старых партнеров, в первую очередь от США, возникла необходимость создавать новые союзы. В союзе с Францией, Россией и Китаем Германия сможет объединить больше разнопланово мыслящих избирателей: милитаристов, пацифистов и антиамериканистов.

Россия находится в противоречивом положении. Рана от потери статуса советской мировой сверхдержавы заставляет, с одной стороны, искать близости к мощному рынку Америки, но, с другой стороны, Америка подвергает опасности последние остатки значимости мировой политики. Ведь так кстати было отвлечь внимание мировой общественности от войны в Чечне, проявляя солидарность с Америкой, однако, если затрагиваются национальная гордость и интересы в мировой политике, Москва знает, как определить в ней свое место.

Китай – это единственная сила, которая в среднесрочной перспективе может на равных противостоять Америке. Для этого, однако, необходимо проводить осмотрительную политику, чтобы соседние с Китаем страны не оказались по воле Америки бомбами замедленного действия. Это касается и обострения индо-пакистанских отношений, это касается также политики, проводимой по отношению к Северной Корее, вследствие которой Япония, возможно, будет вынуждена разрабатывать свое ядерное оружие. Если четыре партнера объединяются, значит, по разным причинам у них имеются общие интересы, а именно – освободиться от магнетизма последней мировой сверхдержавы: гегемон должен быть обуздан созданием противоборствующей силы.

6. На изменения состава участников в союзах Америка реагирует стратегией сотрудничества по выбору. Она выбирает одну страну и заманивает ее развитой экономикой и престижной дружбой, даже если при этом еще вчера полезным международным организациям будет причинен ущерб. Это касается в равной степени НАТО, Европейского Союза и ООН.

К Европейскому Союзу применяется классический императив «разделяй и властвуй». Символической кульминационной точкой стало письмо восьми европейских стран с выражением солидарности с Америкой. Эта официальная бумага стала документом раскола Европы. Америка отнесется к этому в лучшем случае с ностальгической грустью, так как ее главные интересы находятся в другом месте. Основные источники энергоснабжения и будущие рынки находятся вне Европы. Государства, от которых исходит угроза политической безопасности, находятся в Азии. Исламский фундаментализм укоренился в своей

политической форме на арабском полуострове. Опасность атомного удара скрыта в гонке вооружений между Индией и Пакистаном, в Иране, в целом на Среднем Востоке, в Северной Корее и, как возможное следствие событий, в соседних с ними странах. Времена, когда Америка была вынуждена в первую очередь обеспечивать свои интересы в Европе, прошли.

7. Действия американцев (война против Ирака) лишь глубоко раскололи Европу. Было бы исторически неверно исходить из прагматических расчетов на продолжение успешного развития политики интеграции. Модель европейского единства также может рухнуть. Очевидно, что война против Ирака вызвала к жизни простейшие вопросы, касающиеся выживания, на которые европейские государства ответили с оглядкой на занимаемые ими национальные позиции. У Европы нет общего восприятия мира и войны. Слишком различны исторические раны, чтобы можно было выработать единую основу для действий. Европейцы последовательно прокладывают национальный путь вдоль плоскости отношения к США. Очевидно, что восточноевропейские и центральноевропейские страны поддаются магнетизму рынка и могущества Америки. Очевидно также, что британский премьер-министр Тони Блэр и председатель правительства Испании Хосе Мария Аснар компенсируют свое слабое влияние на формирование континентальной Европы всемирно-политическим глянцем и экономическими перспективами, опираясь на Америку.

В долгосрочной перспективе существенным будет также то, что уровень доверия между европейскими государствами явно невысок. Письмо восьми государств было составлено и выполнено в духе старой тайной дипломатии. Кто и кому теперь может доверять? Может ли Шредер доверять еще Аснару, может ли Ширак относиться с доверием к Блэру, могут ли Франция и Германия пойти в будущем навстречу Польше, Венгрии и Чехии в вопросах европейской политики? Вирус недоверия начинает пожирать Европу изнутри.

Если рассмотреть в совокупности эти особенности, станет ясно, почему так трудно дать подходящее определение и толкование новому времени. Существуют конгломераты держав, обладающие невиданной доселе мощью, безопасность государств как никогда уязвима, старый мировой

порядок перешел в состояние анархии. Нынешние великие драматические события человеческой истории будут описаны, очевидно, только в будущем. А надежный опыт мирной жизни принадлежит теперь прошлому.

Аргументы в пользу тесного сотрудничества с США с немецкой точки зрения

Почему трансатлантический союз должен был на этом фоне сохраняться и развиваться? Важнейшим аргументом в пользу тесных трансатлантических отношений является, несомненно, угроза политике безопасности. Если в будущем эта угроза сильнее сконцентрируется на Германии, всем станет очевидно, что ни Германия, ни европейцы не будут сами в состоянии справиться с этим вызовом. Еще один довод в пользу тесного сотрудничества преподносит экономика. Объем торговых отношений между Европой и США составляет, бесспорно, большую часть всего объема мировой торговли. Если отношениям между Германией и США в долгосрочной перспективе будет причинен ущерб, это приведет к драматическим экономическим последствиям и для Германии, и для Европы.

Вопреки (а может и благодаря) потере ориентиров в мировой политике, сегодня существует уважительная причина задуматься о том, как ведущая роль Германии в объединении Европы сочетается со строительством моста трансатлантических отношений. Это наша миссия во внешней политике.

С немецкого перевел Ю. Комов
(перевод неавторизованный)